

The background of the entire cover is a dark, atmospheric photograph of a snowy forest at night. Snow is falling heavily, creating a sense of movement and mystery. In the lower-left corner, there are warm, glowing light sources, possibly from a building or a fire, which cast a soft orange glow on the surrounding snow-covered trees. The overall mood is cold, quiet, and suspenseful.

ВАСИЛИЙ ВИТАЛИУС

АСТРОЛОГИЯ ПОИСКА

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Василий Виталиус

**Астрология поиска.
Астрологический детектив**

«Издательские решения»

Виталиус В.

Астрология поиска. Астрологический детектив / В. Виталиус —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852893-4

Астрологический детектив, в основу которого положено искусство предсказания по звездам, полный неожиданностей и закрученного сюжета. Главные герои должны не просто найти, но и понять, кто тиранизирует деревню: магическое существо или все-таки за этим стоит человек? Читатель сможет на практике увидеть действенность астрологии, сопереживать героям и радоваться их победам.

ISBN 978-5-44-852893-4

© Виталиус В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Чупакабра	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Астрология поиска Астрологический детектив

Василий Виталиус

© Василий Виталиус, 2017

ISBN 978-5-4485-2893-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Астрологический детектив, в основу которого положено искусство предсказания по звездам, полный неожиданностей и закрученного сюжета. Главные герои должны не просто найти, но и понять, кто тиранизирует деревню: магическое существо или все-таки за этим стоит человек? Читатель сможет на практике увидеть действенность астрологии, сопереживать героям и радоваться их победам.

Глава первая. Чупакабра

Любому приезжему может показаться, что в холодный сезон жизнь в деревне замирает. Не посеешь и не пожнешь, как говорится. Земля покрывается плотным белым одеялом, из которого торчат голые стволы сонных деревьев и разбросанные темные избы. Эти урбанистические грибы, словно ожившие персонажи, выдыхают темную дымку неустанной работы жарких печей.

Улицы в эту пору обычно пустые, только днем слышны крики детворы, которая резвится в небольших оврагах с санками и ватрушками в руках. Домой их не загнать, как бы мать ни кричала: дни короткие, и юнцы и девы используют каждую минуту в удовольствие. А то с утра в школу, а там порезвись маленько, и уже темнота начинает окутывать станицу.

Солнце в эту пору не балует теплом, да и вообще ленится надолго вылезать из-под горизонтального одеяла: то и дело прячется за тусклыми облаками, нагоняет дремоту.

Если честно признаться, то, возможно, это любимое время года на селе: все заготовлено, если хозяин не ленив, то погреб его ломится от припасов. Рассадой заниматься рано, копать не нужно, с сорняком бороться тоже – все спит. Конечно, то там подмастеришь, то здесь подлатаешь, но все же зима легче для мужика, чем весна, лето и осень. Хотя что и говорить, холода жуткие бывают. Вот так идешь по улице, а снег хрустит под ногами и ярко отливает в лучах ночного светила. Холод кусает щеки и так и норовит залезть под шубу, и думаешь в это время: быстрее бы тепло, пусть и с работой сопряжено будет это.

Местный астролог очень любил зиму, не потому, что спину гнуть не нужно – этого он не боялся, просто Василий предавался своему любимому делу. Станичники считали занятие бесполезным и сильно затратным, но Васька отдавался ему полностью и не жалел на него никаких денег.

Это влечение для них было странным, непонятным и даже для многих неестественным: мужик и такие глупости делает. На селе вон баб одиноких куча, в глазах которых отражается желание крепких объятий. Любая бы рада была согреть его одиночество, а он... прости господи, против природы прет и такой глупостью занимается. Хорошо, что по воздуху эта гадость не передается, да и справно, что особняком он ходит, а то гляди еще и других мужиков заразит своим пристрастием, кто ж тогда население в деревне поднимать будет, ворчали бабы.

Вот поздней осенью, когда распродал последний товар на рынке и набивал кошелек деньгами, то, влекомый страстями большого города, покидал он станичников и отправлялся туда, где приносил себя на алтарь своей слабости, где кошелек его быстро таял: в книжный магазин, и набивал тюки бумажными ведами. За раз порядка пятидесяти выходило. В город не наездишься, так что нужно было брать по максимуму. Больше не тащил – сильно извозчик ругался. Петрович был деревенским ямщиком, или проще, что-то вроде общественного транспорта. Мужики и бабы загружали его повозку всем необходимым, и кобылка Муська медленно, переваливаясь из стороны в сторону, тащила содержимое в деревню.

– Опять навалил макулатуры! А вот сдохнет Муська от такой тяжести, кто тащить-то будет? Нет бы по нужде там: красивое или вкусное, а то... – смачно плюнул ямщик, бубня себе под нос то, что не мог сказать в глаза астрологу.

С Васькой в деревне особо никто не хотел ссориться, человек он нужный: найти там что-то пропавшее по звездам мог или узнать там про кого что, и торговля шла у него лучше других. Да кучу вещей умел делать, только на небо взглянув, да и мужик был ученый, а самое главное – не женат. В деревне девок на выданье было много, а свободных да дельных мужиков мало.

Васька на все упреки Петровича только молча складывал свои тюки, кряхтя от тяжести. Всю дорогу ямщик не унимался, словно чувствуя свою мешанскую власть над попутчиками, и все бубнил и бубнил, аж бабы начинали возмущаться. Ну любит человек читать, на свои же

эту макулатуру кровные тратит, да и за дорогу водитель берет немало; в общем, не его дело, кто там и что везет. Петрович продолжал бубнить, но еще тише, только по шевелению усов, которые отражались в боковых зеркалах, и было понятно его недовольство.

Васька дома книги раскладывал по стопкам, где наука, а где художественная словесность, и с жадностью и удовольствием поедал их днями, а порой и ночами. Так они перекочевывали из одной кучки новых и еще не прочитанных в другую – уже изученных. Читал он до тех пор, пока живот не начинал устраивать революцию: значит, трапезничать пора.

Какая там еда может быть у бобыля, так, все на закуску, или мать придет и накормит, пожалеет сына-горемыку, который все подарить ей внуков не может. Вот накроет стол, подопрет локотем свою седую голову и вздыхает горько, смотря на проголодавшегося верзилу. Кому нужна его наука, если в доме детишек нет – ей было непонятно. Астролог и сам неплохо кашеварил и в этот раз решил побаловать себя гастрономически, и в печи уже томилась гречка с бараниной. Осталось соус любимый сделать и можно приступать к еде. Взбив домашний майонез, он добавил туда горчицу, зелень и немного дробленных орехов. Все это смешал и уже полез было доставать горшочек, как в избу отворилась дверь.

Холодный ветер закружил по хате, побегал по углам и где-то запрятался под «Джеком»¹. Местные нравы всегда раздражали Ваську, он все недоумевал, как можно без стука или предупреждения запереться в чужой дом, а если хозяева там будут в непотребном виде? Хотя что на деревне скрывать, и так все про всех все знают, вот и не стучат сроду, а лезут в дом как в свой.

Алефтина – местная старожилка, ей, наверное, уже лет семьдесят стукнуло, но здорова была бабка и телом и духом и сама управлялась с огородом и торговлей. Сажала всего и помногу, и крыжовника не счесть видов, и клубника на любой вкус, и помидоры цветов разных. Ей бы помощников побольше, но откуда их взять. Дети все в город убежали, а мужика, а где он был, Алефтина и не знала, как уехал в город, там и сгинул. Одни говорили, что прельстился тамошней жизнью, другие – что погиб в неравном бою. Бабка никогда о муже своем астролога не спрашивала: драчун он был, а так хоть и одна, но видимо, спокойнее. Алефтина была зажиточной, правда, для кого она свои сокровища складировала, было непонятно: с детьми толком не общалась, подношения в церковь не несла, все плакалась, что денег нет, хотя полтележки занимала своими товарами на продажу в город.

Бабка беглым взглядом окинула красный угол, наспех перекрестилась и села за стол. Здравсьте, дескать, примите гостью дорогу. Снег с ее валенок и шубы таял, и буквально через минуты набралась приличная лужа под стулом – изба была натоплена на славу. Алефтина растегнула верхние пуговицы шубы, сняла шерстяной павло-посадский платок, который купила в городе. Вот бабка, хоть и сто лет в обед, а тоже красивые да модные вещи уважила. Все удивлялись, когда Алефтина в платке появилась. Обычно она носила перелатанное все и буквально на хлебе экономила, а тут такую красоту недешевую приобрела. Видимо, как и любви – лепоте подвластен и зрелый возраст.

– Вася, беда, – запыхавшись, из-за одышки прерывая речь, загалдела бабка.

– Что стряслось? – в голосе астролога были слышны нотки неудовольствия: и от еды оторвали, и пришла без приглашения, и теперь и время трать на нее, а там и солнце зайдет – и почитать не удастся.

¹ «Джек»; Джекский ковёр (азерб. *Sek halçaları*) – ковры, входящие в кубинскую группу Куба-Ширванского типа Азербайджанского ковра. Носят название деревни Джек, расположенной приблизительно в 35 км юго-западнее Кубы, вблизи горы Шагдаг. Эти ковры широко производятся также в деревнях Крыз, Хыналыг, Сухейб, Будуг и Галейхудат, однако больше известны под названием «Джек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.